

УДК 821.161.1.09"18"

М. М. Сидорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
msidorova@mail.ru

О ДУХОВНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ПОИСКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЛЕКЦИЯХ ПРОФЕССОРОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА XIX ВЕКА

Материалом для исследования является корпус немногочисленных, дошедших до нас лекционных материалов профессоров Казанского университета XIX в. по истории отечественной словесности. Наиболее значимые из них – лекции профессора Н. Н. Булича, одного из интересных представителей культурно-исторической школы русского академического литературоведения, который рассматривал развитие литературы только в самой тесной связи с развитием образования, духовных и нравственных основ русского общества.

Ключевые слова: Казанский университет, литературоведение, история науки, Н. Н. Булич.

M. M.Sidorova

Kazan (Volga Region) Federal University
msidorova@mail.ru

ON SPIRITUAL AND MORAL SEARCHES OF THE RUSSIAN LITERATURE IN LECTURES OF PROFESSORS KAZAN UNIVERSITY OF THE 19TH CENTURY

The article deals with the body of Kazan University professors' inconsiderable in number extant lecture materials of the nineteenth century concerning history of Russian philology. The lectures of professor Nikolay Bulich, one of the prominent representatives of the culture-historical school of Russian academic literary studies, are of the greatest significance. He studied the development of Russian literature only in the closest connection with the development of education, spiritual and moral foundations of Russian society.

Keywords: Kazan University, literary studies, history of science, Nikolay Bulich.

Казанский университет, являющийся одним из первых университетов России, отметил в ушедшем году свой 210-летний юбилей. Столько же лет насчитывает и старейшая кафедра университета – кафедра русской литературы, которая в год основания высшего учебного заведения в Казани (1804) называлась кафедрой красноречия, стихотворства и языка Российского. На эту кафедру и возлагалась задача изучения отечественной словесности и преподавание ее российскому юношеству, задача, связанная по самому факту предмета изучения – литературы, с вопросами духовности и нравственности российского общества.

Процесс изучения и преподавания русской литературы в Казанском университете на протяжении всего XIX в. зависел от огромного количества факторов – политики государства в области образования, общественных настроений, уровня состояния самой науки – литературоведения, и, конечно же, он теснейшим образом был связан с особенностями развития самого университета, его кадровой политики.

Сегодня сложно воссоздать полноценное представление о лекциях университетских профессоров XIX века, если они не были опубликованы и не сохранились в рукописях. Но реконструировать представление о них, можно по официальным документам, например «Обзору преподаваний в Казанском университете», протоколам заседаний, методическим пособиям, материалам публичных лекций, научным публикациям.

Первые два десятилетия XIX века характеризуются общей для всех российских университетов (Московского, Дерптского, Харьковского) тенденцией изучения литературы в аспекте незыблемых эстетических канонов. Это было связано и со спецификой развития самого литературоведения, которое ещё не сложилось как единый научный комплекс и занималось в большей степени вопросами теории литературы.

Так «первый профессор российской словесности» в Казани Григорий Николаевич Городчанинов (1772–1852) вплоть до 1829 г., времени своего выхода в отставку, проводил линию

на «эстетический и риторический разбор» произведений «образцовых» русских писателей, главным образом, классицистов.

Эта тенденция усугубилась в «эпоху» (1820–1825) М. Л. Магницкого, с именем которого отождествляется так называемое «обновление» Казанского университета, а в истории российского образования поворот политики Александра I в сторону реакции. Дух попечительских инструкций, направленных на «обновление» университета, предписывающих «изучать красоту языка славянского и делать критический разбор священных писателей», а также «уберегать слушателей от увлечения в новизне модного слова и потому отвергать всё, что введено в язык произволом и смелостью как неклассическое и недостойное подражания» (4, 450–451), был основательно усвоен несколькими поколениями преподавателей словесности.

Потому и Григорий Степанович Суровцев (1786–1860), рекомендованный Казанскому университету самим Магницким и привлеченный к профессуре за «христианский образ мыслей», был как в научной деятельности, так и педагогической практике также далек от современной ему литературной жизни. Даже в тридцатые годы он, хотя и восхищался красотой пушкинского языка, считал, что время для изучения Пушкина еще не пришло. Однако очень тяжело переживал смерть поэта. Студенческие воспоминания сохранили память о том, как Суровцев принес трагическое известие о гибели поэта в Казанский университет. Свои педагогические усилия профессор направлял в сторону сохранения чистоты русского языка, образцы которого видел в произведениях духовных писателей.

Новое направление в изучении русской литературы стало заявлять о себе в деятельности Карла Карловича Фойгта (1808–1873). Преподавание «общей» (зарубежной. – М. С.) литературы, которое было введено в российские университеты как учебная дисциплина в 1840-е гг., и в области которой Фойгт был специалистом, позволили профессору подняться на новый уровень и в изучении русской литературы. Лекции Фойгта до нас не дошли, но отдельные их фрагменты можно реконструировать по его публичным выступлениям в Казанском университете. Весьма любопытна в этом отношении его речь в связи с открытием памятника Державину в Казани, где он, немец по происхождению, обосновал наличие нового литературного направления, в рамках которого творил Державин – «русскость».

Профессором, который сломал сложившиеся в Казанском университете представления о предмете и методах изучения русской словесности, поставив преподавание этого курса на подлинно научную основу, стал Николай Никитич Булич (1824–1895), выпускник философского отделения Казанского университета 1845 г. Он тридцать пять лет возглавлял кафедру отечественной словесности университета, вплоть до 1885 г., когда ушел в отставку с поста ректора.

В начале 50-х гг. XIX в., ещё будучи начинающим профессором, Булич сумел внушить нескольким поколениям казанских студентов не только искреннюю любовь к русской литературе и понимание глубинных процессов ее развития, но и уважение к научному знанию. Именно о его лекциях – высокосодержательных, поражающих новизной материала и эрудицией автора, отражающих современный уровень состояния науки, сохранилось множество воспоминаний. «Студенты, – как пишется в одном из них, – восхищались его либеральными лекциями. <...> успех его университетских чтений ставил <...> Н. Н. Булича на недостижимый <...> научный пьедестал» (5, 137).

Можно сказать, что лекции Булича были событием не только университетской жизни, но и культурной жизни всего города. Их слушали не только будущие филологи и историки. Из-за них студенты других факультетов и даже учащиеся Казанской духовной академии покидали аудитории своих профессоров. О таком успехе своих «чтений» Николай Никитич написал в одном из писем брату: «Начал лекции, читал две, сегодня третья. Народу много: студенты, профессора, офицеры. Читаю в трех аудиториях разом. Из самой большой отворяются двери в соседние, и они полны...» (1, 934).

Именно лекции и были одним из главных научных достижений казанского ученого. При том, что список научных публикаций Булича достаточно внушителен – это и магистерская диссертация о Сумарокове, защищенная в Петербургском университете и там же изданная, и отдельные очерки, посвященные жизни и творчеству Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина – есть основания полагать, что материалом для них служили именно лекционные курсы, работа над которыми имела непрекращающийся, подлинно исследовательский характер, и продолжалась на протяжении всей научной деятельности ученого.

К сожалению, Николай Никитич не опубликовал этот богатейший лекционный материал. Однако судить об отдельных принципах его составления и содержания, о методах изучения им литературы, глубине рассуждений и целостности его историко-литературной концепции поможет один источник. Таковым являются «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века». Они увидели свет лишь через 7 лет после смерти ученого (вероятно, и не предполагавшего их публикацию) благодаря хлопотам его сына – Бориса Николаевича Булича. «Очерки» представляют собой фрагмент фундаментального историко-литературного лекционного курса, который читался, как это сказано в предисловии, студентам Казанского университета в 70-е гг. XIX в. Два тома, общим объемом более 700 страниц были изданы в Петербурге Историческим обществом Санкт-Петербургского университета в 1902 и 1905 гг. соответственно, и в 1912 г. переизданы одной книгой. Заглавие рукописи было дано А. Н. Пыпиным и В. И. Семевским, которые не только одобрили и рекомендовали рукопись к изданию, но и по просьбе младшего Булича выступили в качестве рецензентов.

Содержание этой книги составляет история русской литературы двух первых десятилетий XIX века – одного из самых сложных, «неопределенных» по словам Ю. М. Лотмана, периодов русской литературы. Лекции, а именно так, по лекциям, структурирован текст, поражают объемом исторического и литературного материала, имеющего в своей основе огромное количество документов разного порядка – государственные акты и постановления, переписку, дневники, воспоминания, опубликованные в десятках названий самых разных изданий, в том числе периодических.

История литературы двух первых десятилетий XIX века предстала под пером Булича в сложном переплетении общественных, политических, философских, религиозных, нравственных вопросов, словом как «история русского умственного и литературного движения». В «Очерках» наряду с именами Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Крылова на равном основании сосуществуют имена Александра I, Аракчеева, Сперанского, Магницкого и других деятелей Александровской эпохи; в них отражены учреждение Министерства народного просвещения и университетские уставы, масонство и мистицизм, реакционное движение в Западной Европе и отражение европейской реакции в России. «Очерки» ценны и тем, что предлагают богатейший материал о русской периодике первых десятилетий XIX в., объясняют задачи научных и литературных обществ, раскрывают содержание литературных споров и дискуссий, представляют любопытные рассуждения о роли цензуры. И, наконец, они дают подробные психологические портреты и анализ литературной деятельности целого ряда так называемых «второстепенных» русских писателей: Пнина, Шаликова, Измайлова, Глинки, Озерова, Невзорова, Лопухина, Лабзина и др. Именной указатель к изданию составляет список из двухсот имен, в том числе иностранных, т. к. картина развития общественного движения и литературы в России представлена в контексте идей просвещения и развития философских систем на Западе.

Заметим, что не только весь материал в целом, но и отдельные его фрагменты носили вполне новаторский характер. Таким, например, является фрагмент о К. Н. Батюшкове. Он очень показателен в связи с размышлениями ученого о проблемах духовности и нравственности.

Батюшкову, как одной из наиболее репрезентативных фигур в русской литературе начала XIX века, Булич посвящает 5 лекций. Это более, чем 40 страниц текста. Ученый обращается к совершенно новым, только открытым в то время документам – письмам поэта Гнедичу, Жуковскому, опубликованным в журналах «Русский Архив», «Русская старина», «Библиографические записки», и реконструирует биографию Батюшкова, восстанавливая мельчайшие нюансы настроений поэта, вызванные обстоятельствами его жизни и чертами характера, в целом. «В письмах, – пишет Булич, – надобно искать Батюшкова настоящего; а не в стихотворных излияниях классического эпикуреизма, в которых не было ничего общего с окружающей его русскою жизнью» (3, 483)

Одновременно, как идеолог культурно-исторического направления в литературоведении, Булич последователен в другом – он ищет в произведениях поэта соприкосновения с реальной жизнью и приходит к мысли о том, что при всем реализме, при всей естественности и простоте чувства, выражаемого в его поэзии, последняя была совершенно чужда действительности.

Что же мешало Батюшкову, задается вопросом ученый, человеку с умом и литературным талантом излагать свои мнения и убеждения там, где они могли сделаться достоянием целого общества, а не беречь их про себя или для интимной беседы вдвоем? Причину этого он видит, во-первых, в том, что русская литература в начале XIX в. не привыкла с участием относиться к вопросам общественной жизни, а во-вторых, она была постоянно стеснена цензурой.

Так воспроизведенные Буличем обстоятельства, связанные с развитием русской литературы и событиями личной жизни Батюшкова, развенчивают представление о нем как о поэте «изящного довольства и наслаждения жизнью». «Скорее перед нами крупный образчик представителя тоскующих поколений, каких немало вырабатывала русская жизнь» (3, 481). И в доказательство Булич приводит выдержку из письма Батюшкова Жуковскому: «Скажи мне, к чему прибегнуть, чем занять пустоту душевную; скажи мне, как могу быть полезен обществу, себе, людям?» (3, 493). «Холодом грусти и безотрадным отчаянием веет от этой небольшой картинки в русском вкусе, где изображается тоска души, не удовлетворяемая действительностью», – пишет ученый (3, 493).

Таким образом «Очерки» Булича направлены на исследование поисков основ нравственности и духовных исканий русских писателей начала XIX в. И не только таких крупных, как Батюшков. Патриотические порывы Растопчина и С. Н. Глинки, обращение к масонству Пнина, Шаликова, Лопухина, Лабзина и многие другие явления «общественной» жизни оказываются в центре внимания ученого.

В русло своей историко-литературной концепции Булич весьма органично ввел и местный, краеведческий материал. Он пишет об истории возникновения и развития Казанского университета, подробно останавливается на процессе изучения и преподавания в нем отечественной словесности, отдельные главы посвящает казанскому поэту-идиллику В. И. Панаеву и Казанскому обществу любителей отечественной словесности – первому литературному обществу в Поволжье. Заканчиваются «Очерки» описанием судьбоносных для Казанского университета событий, связанных с попечительством М. Л. Магницкого в 20-е гг. XIX в., что определенно несет на себе элемент хронологической незавершенности.

Поэтому совершенно очевидно, что русская литература первой четверти XIX в. составляет только часть материала по читаемой Буличем дисциплине. Подтверждение тому находим в автобиографии ученого, написанной уже в преклонном возрасте: «Мною составлен большой курс русской литературы, с самого начала ее до Гоголя. Я много раз переделывал и дополнял его» (2, 131–132). Такие официальные документы университета, как «Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете» за 70-е гг., также свидетельствуют о том, что Булич читал курс русской литературы во всем ее объеме – от литературы Древней Руси до новейшего периода.

К сожалению, мы не располагаем лекциями Булича по древнерусской литературе и XVIII веку, общепризнанным специалистом в области которой он был. А судить о взглядах ученого на русскую литературу пушкинской эпохи и последующего времени можем лишь по отдельным публикациям ученого. Материал лекций Булича не дошел до нас. Рукописи Николая Никитича, по всей вероятности, сгорели во время пожара, случившегося после смерти ученого в его имени.

Тем не менее, и опубликованный фрагмент курса позволяет судить о целостности историко-литературной концепции и масштабности научных изысканий казанского ученого. Упомянуть об этом тем более важно потому, что к этому, одному из сложнейших, переломных периодов русской литературы, неоднократно обращались многие крупные ученые. В частности, А. Н. Пыпин – в своем известном труде «Общественное движение в России в эпоху Александра I» (1871) и двух последующих частях этой знаменитой трилогии («Религиозные движения при Александре I» (1916) и «Очерки литературы и общественности при Александре I. (1917)»). В 1907 г. была издана книга Н. А. Котляревского «Литературные направления Александровской эпохи». В 1916 опубликовано исследование А. Н. Веселовского «Просветительный век и Александровская пора». Примерно в те же годы опубликовал свой труд «Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I» М. Сухомлинов.

Однако казанский профессор ближе всех подошел к максимально полному освещению истории русской литературы эпохи Александра I. Ему более чем кому-либо удалось показать что культура – это живой организм, в единой системе которого живут и противостоят разные по самостоятельному значению и ценности силы. И хотя ученый приходит к выводам о бедности нашей литературы в этот период, о ее печальном удалении от действительности, о неразвитости общественной мысли, картина духовной жизни русского общества в явлениях самого разного порядка предстает исчерпывающе.

Более того, Булич обогатил методологию культурно-исторической школы. Именно у него очень отчетливо прозвучала идея о тесной связи литературы в России с уровнем развития образования. Эта просветительская, по сути, направленность мысли Булича во многом определяет мировоззрение казанского профессора. Вся жизнь Булич проработал в системе высшего образования. Он хорошо знал слабые и сильные стороны этой системы, пройдя путь от адъюнкта до ректора университета. Он занимался вопросами женского образования, земской школы, в 60-е годы он написал большую работу по истории Академии наук, а в 80-е стал первым историографом Казанского университета. «Литература сопутствует только образованию, – пишет Булич, – она развивается только вместе с образованностью, и нет сомнения, что вместе с развитием круга своей деятельности, с приближением к широкой массе народа, она ближе станет к действительной жизни и будет заниматься интересами не мнимыми, не кажущимися только, а действительными и существенными» (3, 5–6). Именно поэтому Булич сочтет необходимым рассмотреть конкретный период развития русской литературы только в контексте истории русского образования. Неслучайно он начинает курс с подробной характеристики первых лет царствования Александра I, останавливаясь, главным образом на вопросах формирования его мировоззрения, и указывая, что самой полезной, самой долговечной и влиятельной мерой периода правления императора стала реформа образования в России, которой и обязано более всего прогрессивное движение русской жизни. Именно поэтому Булич подробно останавливается на основных направлениях этой реформы: структуре системы образования, содержании университетского Устава 1804 г., состоянии профессорской и студенческой корпораций первых российских университетов и т. п.

Другая особенность научной концепции Булича – ее философское основание. Философское образование, полученное Буличем в Казанском университете, его защищенная, но

неопубликованная по цензурным соображениям магистерская диссертация, посвященная философии Гегеля, работа над докторской диссертацией по философии эпохи Возрождения сформировали глубокое философское мышление Булича. Философская мысль пронизывает всю структуру курса, позволяя прояснить истоки научных взглядов и общественных настроений в России, а главное, представить развитие литературной жизни как некий процесс, в котором действуют философские законы.

Эта способность философского осмысления развития общества во взаимосвязи всех явлений и выделение образованности, как главного показателя его развития, сыграли определяющую роль в научной концепции Булича, его подходе к оценке и анализу произведений русской литературы. Они обогатили историко-литературную мысль России, закрепили за культурно-историческим методом право на существование. Однако ни в одной из работ по истории русского академического литературоведения имя Булича не упоминается, а его лекции и по сей день служат часто неназываемым источником сведений по литературной ситуации начала XIX века. Между тем, они, бесспорно, являются показателем высокой научной состоятельности периферийного университетского, в частности, казанского, литературоведения, и, смеем надеяться, казанского студенчества, для которого эти лекции предназначались.

Литература

1. Булич А. К. Николай Никитич Булич и современное ему казанское общество: (Семейная переписка и воспоминания) / предисл. Н. К. Пиксанова // Ученые записки Казанского университета. 1930. Т. 90, Кн. 5.
2. Булич Н. Н. [Автобиография] // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897–1904. – Т. 6.
3. Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912.
4. Загоскин Н. П. История Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904): в 4 т. Казань, 1908. Т. 3.
5. Корсаков Д. А. Былое в жизни Казанского университета. 1856–1869: Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: лит. сб. к 100-летию Императорского Казанского университета. Казань, 1904.